

Евгения Хамуляк

ГОБИН

16+

Евгения Ивановна Хамуляк

Гобин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63412613

SelfPub; 2020

Аннотация

Сказка о том, чего не может быть. Земля – не круглая и не плоская, она похожа на чашу, внутри нее живет Гобин, он придумал эту чашу, но не помнит или не знает зачем. А еще он придумал людей, снами которых он жил и через их удачи и неудачи пытался найти смысл... Многие миры канули в лету, некоторые цивилизации он стер, будто их никогда не существовало, в некоторых его снах уже жили не люди... Ничего не помогало, пока...

Евгения Хамуляк

Гобин

Далеко-далеко за озёрами, с зеркальной чистотой которых могли посоревноваться лишь вековечные глубоководные карпы, выдавшие ещё мир безо льдов и морей. Далеко-далеко за лесами, в буреломах коих до сих пор прячутся древние духи, прикованные сторожить священные рощи, оплот нашей жизни. Далеко-далеко за горами, где снежные пики такие высокие, что их могут преодолеть лишь снежные люди, их когда-то построившие... Подальше от человеческих глаз, в одной из дальних и самых глубоких пещер жил-поживал Гобин.

Наверное, многие слышали это имя, но любящие всё лякать и някать люди, переиначивая имена на свой манер, чтобы не так страшиться непонятого, называли колосса, созданного Сущим из всего сущего, Гоблином, Атласом, Кроносом, Сварогом...

Первое слово, которое было произнесено устами первого живого человека, подобно тому как дети произносят впервые имя родителя, со временем затерялось в бурях человеческих страстей. А некоторые языки, и вовсе покалеченные никакъем и ляканьем, просто уничтожили его, забыв того, кто их породил, чтобы не быть ни обязанными ему, ни

связанными с ним. И он в ответ тоже их позабыл, оставив доживать свой век на задворках своего сознания.

Но только устами посвящённых и избранных, унаследовавших от Гобина бессмертие, произносилось оно с трепетом, всегда соединяясь с именем судьбы. Первые человечки именовали его своим богом, хотя даже они не подозревали, что и у Гобина имелся свой бог. Однако разница между людьми и богом гиганта была такой огромной, что, не в силах осмыслить это, двуногие предпочитали просто проходить мимо, не замечая великое вокруг себя...

Представьте, это похоже на то, как капуста, тянущаяся к солнцу, ничего не знает о светиле, дающем ей свет, а значит, жизнь. Правда и понимание о таком существе, как коза, срывающая и жующая цветочную жизнь ради поддержания своей собственной, тоже капусте невдомёк... Но ведь нельзя сравнивать козу и солнце! Да мы и не станем, оно ведь всегда и всем светит одинаково – что с него взять?

Но каким был Гобин? Не прекрасным, как те древние боги, которых нарисовали себе люди, обмазав их тела золотом и украсив головы лаврушей. Не был и ужасным, как те страшные людоеды, уничтожающие всё живое ради зверств и крови.

Гобин являлся Гобином, судьбой этого мира, его формой, твердыней, которая каждую секунду снилась ему лесами, полями, глубоководными карпами в зеркальных озёрах, древними духами, бывшими когда-то его первыми детьми и

до сих пор вечными, как и он сам. И конечно, всеми людьми на земле, не забывая, впрочем, и про капусту.

Он и в самом деле был соткан из всего живого, ибо являлся самой жизнью на земле: огромным камнем, на котором произрастало всё, что происходило в его сне. Иногда сновидения приходили такие яркие и красочные, что гигантские лианы со скоростью быстро бегущего журчащего ручейка отрывали от земли целые материи и уносили их далеко ввысь, выстраивая воздушные замки со своими королевствами.

Иногда он уставал от снящихся ему жестоких людей, превращающих эти летающие королевства в тюрьмы, и развеивал сны о них, как миражи... В людской памяти оставались лишь мифы и сказки о призрачных летающих городах и их злых правителях.

В отличие от первых *человец*ей, которые только потом превратились в *человеков*, с жизнью в один век, последние ничего не знали о том, что являются лишь сновидением твердого бога и живут всего-то лишь в трёхмеричном измерении: вверх, да вправо, да влево, а кто помудрее, иногда смотрел ещё под ноги. Тогда как Гобин жил сразу в девятнадцати мирах, то есть присутствовал здесь и сейчас везде и сразу, ещё успевая сняться всему, что имеет форму на земле: от капусты до человека, от снежных пиков до зеркальных карпов. При этом оставался весьма свободолюбивым и добрым сновидцем, разрешая своим персонажам сняться самим себе самостоятельно, а особо пытливым из них даже иногда

позволял узнавать о себе во снах. Но по большей части лишь с любопытством со стороны наблюдал за их трепыханиями, беготнёй, рассуждениями, ростом и падением, вмешиваясь только иногда.

Любимым же его времяпрепровождением было в самую долгую тёмную ночь сидеть у костра в самой далёкой пещере, подальше от сновидящих, иногда преодолевавших-таки крутые снежные пороги в надежде увидеть своего бога.

Так как вся земля представляла собой огромную чашу, пещера Гобина углублялась не вправо или влево в гору, как принято думать среди людей, часто живущих вверх тормашками или встающих только с левой ноги, а уходила глубоко вниз, протягиваясь к центру, где светило настоящее солнце... Один такой вечер длился около ста лет, именно поэтому *человекам* трудно было угнаться за ходом жизни бога, чтобы увидеть его хотя бы разок спокойно сидящим за гигантским костром, распалённым сухими отжившими руинами разрушивших сами себя цивилизаций, на котором он неизменно готовил свою любимую похлёбку из снов и фантазий оракулов и других ведунов о строении этого мира, о представлениях о себе, предсказаниях о будущем... Каждый век, на радость гиганта, как раз к его вечеру, рождались новые прорицатели, предпринимавшие попытки осмыслить Гобина и свою судьбу...

Гобину не только нравилось собирать эти догадки и прогнозы, но он внимательно вникал в каждую из них, ведь и

сам доподлинно не знал, зачем Сущий породил его? Чем не жилось без Гобина? Почему именно он такой, а не иной? И смутно догадывался, что разгадку знает маленькая его частица – человек. А иногда отчаивался, не найдя ответа, и подозревал, что может догадаться и капуста, но только не он. В этом и во многом другом состоял хитрый и забавный план Сущего познать самого себя в самой интересной игре на свете. А может быть, плана никогда не существовало... Или в этом состоял план.

– Наверное, у Сущего тоже есть лукавый бог? – спрашивал Гобин своего собеседника. А к нему вечерами неизменно заглядывал он сам, только из другого измерения, одного из девятнадцати.

– И тот тоже загадал Сущему загадку, кто он и зачем? – тихо смеялся другой Гобин.

– Давеча мне снился сон, – добродушно кивал старой шутке первый Гобин, помешивая кипящую бурой пеной похлёбку, в которой тонули древнеримские доспехи, и острые пики копий, словно свиные шкварки, вспыхивали яркими зарницами на безжалостном мареве, – про одну девушку... Я давно за ней наблюдаю. Она является душой той местности, где живёт... Так вот, она стала впадать в уныние, не желая больше думать над разгадкой мироздания. От её настроения впадо в уныние целое поселение. Тогда я провёл тонкой нитью все сердца города, завязав узел на её сердце. Если она выберется из мрака отчаяния, воспрянут и остальные. Если нет –

тоска разъест их тела и развеет память о них, как пыль...

– Да, мне тоже встречались подобные настроения... – согласился второй. – И если раньше я нещадно стирал их, как неудавшийся сон, чтоб тот не напоминал мне о времени, когда и я ложился на эту мягкую, душистую, дарящую прохладу траву, мечтая заснуть и никогда не проснуться, чтобы больше не видеть ни этих гор, ни эту чашу, ни Сущего... И всё равно спустя тысячелетия просыпался и находил всех их, почти не изменившихся, поодаль... Несмотря на свою убогость, простоту, они переживали удар бессмыслия лучше, чем я. После сна ничего нет. Сон – последняя инстанция. Объясни ей это... И самому себе.

– Мои сны впали не только в уныние, но и в зависимость от него. – Мимо проходил третий Гобин. – Мне захотелось спасти их – некоторые из них стали мне дороги. И я придумал угрозу беспощадного уничтожения со стороны. Угроза иногда помогает выжить, перед лицом смерти восстают инстинкты, – кинул он свой рецепт и тут же растворился в пространстве.

– Я думал, этот юношеский этап у тебя уже прошёл! – удивился четвёртый Гобин, так и не проявившись у костра.

– Мне не хотелось бы искусственно давить на неё... Почему-то мне кажется, в ней есть что-то... Нечто абсолютно новое, ещё ни разу не снившееся мне... Она может знать ответ...

Гобины переглянулись между собой, сами не веря в то,

что такое возможно, и грустно улыбнулись... Ведь неисчислимую бесконечность они находились здесь, в этой минеральной чаше, и много всего повидали, но никогда они не чувствовали, что Сущий стал ближе или дальше хоть на вершок от них. И замысел не стал понятнее или непонятнее, с открытием новых измерений просто прибавлялось хлопот... Где-то жили уже не совсем люди... Где-то уже совсем не жили люди... Гобины часто навещали миры друг друга и разнообразили свои сны... А раз в две тысячи лет удивительным образом открывался какой-нибудь новый мир. Поначалу его встречали с надеждой приоткрыть тайну, но после десятого перестали считать, хотя сейчас уже насчитывался девятнадцатый. Просто прибавилось хлопот, в которых растворялись старые надежды.

– Как ты её назвал? – спросил Гобин.

– Ладошка... – после паузы, слегка стесняясь, произнёс Гобин, снимая с костра готовый бульон, который вскорости должен был стать неплохой эссенцией для нового сна, где был шанс на какой-то новый виток.

– Какое интересное имя... – призадумался спрашивающий Гобин. – В этом сне, верно, любящие отцы дают имена своим чадам.

– Как ты догадался?! – удивился сам себе Гобин, ведь это являлось его секретом, таймым от других параллельных сущностей.

– Я бы так сделал... – прикинул другой. – А ещё бы я по-

звал её поговорить. Зачем следить исподтишка, давай спросим её, что она думает обо всём об этом?

– Она совсем обычная девушка... Вряд ли она вообще задумывалась, что у уныния есть причина, которая может помочь нам.

– Ничего не стоит попробовать и в биллионный раз...

Гобин разлил похлёбку по красивым глубоким керамическим тарелочкам, раздал по алюминиевой ложке, сегодня ему было приятно окунуться в некую такую сонливость... и принялся думать.

– Суп вкусный, – похвалил второй и стал ждать, пока остынет и когда первый решится на что-то.

Его большое каменное сердце, в котором отражались всполохи гигантского солнца, светящего изнутри чаши – хотя люди видели блики за пределами краёв земли и думали, что солнце находится где-то далеко в космосе, – трепетно отзывалось на призыв пригласить Ладошку к разговору в эту замечательную ночь. Гобин давно решил, просто не знал, какой сон ей придумать, чтобы сделать общение приятнее.

– Самый что ни есть реалистичный... Это всегда кажется сказкой... Девушкам нравятся такие штучки, – предложил шестой, проходя мимо и унося свою тарелку с дымящимся варевом.

Возникла тонкая, малюсенькая, словно точка, фигурка у костра, в голубенькой ночнушке. Ей не было ни холодно, ни жарко, а очень даже тепло и приятно. Ещё одно невиди-

мое движение мысли бога – и девушка неожиданно стала замечать, что гигантские горы и лава, плывущая по ним... живые.

И не просто живые, а, если хорошенько протереть глаза и присмотреться, похожи на огромные фигуры людей, высеченные из горных пород, поросшие деревьями, кустарниками, мхом, по которым стремятся водопады. Каменные монстры восседали за исполинским костром, держа в величественных руках тарелки и ложки. Их было двое.

Гиганты двигались медленно, не торопя события, чтобы глаза девушки привыкли к их очертаниям. Хотя могли придать любые другие формы, которые знали, и хорошо представляли себе людские головы. Например, большого доброго дедушки, сидящего на облаке и жующего бублик. Или красивого полураздетого крепыша с луком и стрелами. Неплохо смотрелся и величественный малый с трезубцем, весь овеянный золотым сиянием.

Но Гобин оставил этот любимый в последние несколько тысяч лет образ каменного гиганта – всё-таки именно твердыней, камнем породил его Сущий. И гигант ностальгически относился к этому облику, только решив слегка уменьшить объёмы – с неизмеримых до хотя бы циклопических. И незаметно девушка стала различать каменных собеседников лучше, вскорости сравнившись с размером ладони Гобина.

– Ты мне снился раньше... – Ладонка поняла, что находится в центре своего сна, ведь ей не было ни холодно, ни

страшно, а наоборот, удивительно спокойно и даже приятно, как обычно бывает во сне. – Ты добрый, хоть и следил за мною исподтишка. Ты ведь не ешь людей, правда?

Гобин молчал, наслаждаясь её голосом, ведь он не разговаривал никогда; мысли проносились мимо, словно стаи птиц, и там было великое множество историй. Он послал ей общие представления о себе, чтобы между ними не оказалось недомолвок, а сам продолжал слушать её щебет, настоящий звонкий человеческий голосок, который звенел и щекотал мох на его щеках. Это было очень приятно. Второй Гобин с удивлением отметил, что и его щёки приятно топорщатся от девчачьего писка.

– Не ем, – прогремел Гобин, а потом откашлялся и заговорил более приятным голосом, похожим на эхо.

– Это хорошо, что ты добрый. А то я смотрела фильмы про гоблинов – они ужасно мерзкие и злые.

Гобин совершенно забыл про ту цивилизацию, что испортила представления о нём и давно жила отрешённо и дико где-то в далёких закоулках его сознания, всё больше деградируя. А теперь ещё и заражая другие сны своим тлетворным безбожным влиянием. Без его присутствия и внимания эти несчастные стали придумывать себе ужасные небылицы, писать чудовищные сценарии и снимать жуткие ужасы, а потом благополучно уверовали в свои же кошмары и начали готовиться к войне всех со всеми, и с богом тоже.

Он окончательно стёр эти глупые потерявшиеся сны, ко-

которые ему больше негодились и не нравились.

– Это твой друг? – указала она на второго циклопа.

– Удивительно, она различает нас... – кинул сам себе Гобин, чтобы девушка в ночнушке не слышала.

– Да, – ответил он ей.

– У вас тут очень мило. – Она присела на камень поближе к огню. – Вы, наверное, разговаривали о чём-то философском? В такие ночи... – И они втроём одновременно взглянули на тёмно-синее небо, где мерцали звёзды и планеты, словно огоньки свечей; их недавно зажёл третий Гобин. Это ему принадлежала идея разукрасить хаос, в котором никогда ничего не существовало иллюзорными представлениями, что они не одиноки. – В такие ночи только и сидеть у костра, думать о жизни и греться приятным общением... Мы любили так делать с папой в детстве...

– Почему ты погрустнела? – ласково спросил Гобин.

– Хорошо иметь друга, который тебя понимает, если ты сам себя не понимаешь, – непонятно выразилась Ладощка, но гигант понял её.

– А чего тебе не хватает? – удивился второй.

– Смысла... – опять непонятно сказала девушка.

– Так придумай его сама, раз у меня не получилось, а я исполню все твои желания... Может быть, ты хочешь иметь семью? У девушек обычно это является самой большой мечтой. У меня был такой сон про тебя... – И Гобин показал его на мареве костра. – Красивый светлый парень обнимал

Ладошку, и она счастливо поддавалась его поцелуям. Похожие, будто вылепленные из одного теста, парень с девушкой очень подходили друг другу – как говорят, «две половинки одного яблока». Потом было много совместных дней, яркая славная свадьба, хорошие друзья, поездки, интересная работа. Пошли детки. Такие милые, как Ладошка.

– Ты, наверное, бог снов? – радостно спросила Ладошка, разглядывая милые картинки будущего, проявленные огнём. – Я тебя другим представляла.

– С бубликом? – улыбнулся Гобин.

– С индейкой, – пошутила Ладошка. – Кстати, спасибо за этот сон, он бы мне понравился. – И девушка дружески погладила огромную голень циклопа, до которой доставала.

Гобин вновь ощутил нечто новое в общении с этой девушкой. Какой-то особый трепет. Второй Гобин поддакнул, ему тоже передалось это ощущение.

– Но мне почему-то не хочется всего этого... Точнее, хочется, но чего-то большего... – немного капризно заговорила она. – Понимаешь, мне думается, что после снов ничего нет. Сон – последняя инстанция... И если это так, то можно посмотреть их сотню тысяч миллионов раз, но ничего не изменится... Нет смысла, понимаешь? Сон останется сном, бессмысленным, который можно в любой момент забыть или повторить, улучшить или испортить. Всё как делаешь ты.

– А что бы ты хотела? Я могу создать тебе отдельную, только твою реальность, и ты станешь придумывать сама но-

вые миры...

– Иногда это очень забавляет, – заметил седьмой Гобин, притворившись валуном поодаль. Но Ладощка его не увидела.

– Только хлопот с новыми мирами... Уф! А если там живут одни роботы или клоны, или как, не приведи Сущий, с тем сном, что я сморозил про ящеров, – замучаешься отлавливать этих змеёнышей, то и дело норовят укусить... Вообще неуправляемые! – жаловался второй Гобин, неожиданно растворившись в пространстве, судя по всему вспомнив нечто важное про своих змеек.

– Конечно, мне бы тоже хотелось стать как ты, но другой богиней...

Гобин молчал. Его озадачил такой ответ. Других богов, кроме него, на чаше никогда не существовало. Он сам бы мог принять любую форму и образ, но... стать другим богом?! Дружить с другим богом? И чем бы тот помог, если уже всё давно думано-передумано?! Те же ящеры ему наскучили ещё в прошлый раз. С клонами становилось слишком тесно на земле, они то и дело без спроса приходили в пещеру. Роботов он не любил – слишком много железа и мало мозгов. Цивилизацию самодостаточных чистокровных людей еле спасли после третьего века существования, они почти изничтожили друг друга и теперь в виде снежных людей бродили по разным городам и весям. Короче, хлопот не оберёшься с экспериментами разными!

– Знаешь, мне бы хотелось стать богиней, чтобы, например, сделать тебя счастливым за всё то хорошее, что ты даешь нам. Правда! – Она похлопала ладошкой по зелёной голени гиганта. – У меня такие хорошие родители! А как повезло с друзьями! Ты не представляешь, как мне нравится читать. Я ведь сама хочу заделаться писательницей! Когда проснусь, обязательно напишу сказку про тебя... Если, конечно, вспомню... – Она хихикнула. – Спасибо тебе за всё! Наш мир очень хорошо чувствует твоё доброе расположение к нам.

– Если бы стала богиней... – глухо проговорил поражённый Гобин, – что бы ты сделала?

– Я? – стала фантазировать девушка в ночнушке, вдохновлённая таким вопросом. – Ну, стала бы твоим смыслом. Что бы всё, чего ты хочешь или делаешь, хотел и делал ради меня... А я ради тебя. – Она тепло улыбнулась. – Разве интересно сидеть одному в такой огромной чаше? Она больше похожа на корыто! А я бы накрыла твою землю куполом смысла. Представь: ни одной бессмысленной вещи! Ни одной бессмысленной мысли или сна! Если и бессмысленно – то обязательно с умыслом! И люди тоже всегда станут жить со смыслом: ради кого-то или чего-то. Хотя бы ради того, чтобы однажды выбраться из твоего корыта и сбежать в космос! – Она расхохоталась. – Или занять твоё место! У тебя же тоже должен быть отпуск! Небось, устал уже от этих беспокойных, неуёмных людишек?! А ты можешь, например, пойти дальше

по карьерной лестнице? Какой у тебя следующий уровень?

В этот момент что-то стало происходить с Ладой: она увеличивалась в размерах и начинала светиться розовым. Лучи расходились от её лица, голоса, слов и стали касаться Гобина, будто заключая в объятия и даря нежные поцелуи. Он почувствовал невероятную теплоту, аромат роз, радость приятия... И это ему не снилось! Он впервые почувствовал, что это не его сон. А также не сон Гобинов из других девятнадцати измерений, которые, ощутив нечто похожее, о чём грезили последние тысячелетия, тут же проявились в этом мире у костра.

– Я бы заключила весь твой мир в объятия и никогда-никогда не отпускала... Мне бы это очень понравилось. Я вижу в этом большой смысл – быть значимой для кого-то. Стать его смыслом жизни... Знаешь, сколько бессмысленного ты напридумывал в моём мире? Да вот хоть бы эти глупые фильмы про гоблинов! Какая чепуха и белиберда! – Она хлопнула в ладоши, и яркие радуги разлетелись в разные стороны, озаряя звёзды и планеты красочным сиянием.

Удивившись такому волшебству, она по-другому взглянула на себя и всё сразу поняла. Во снах же без слов всё становится ясным и понятным. Встав, она хлопнула в ладоши ещё раз, и над землёй, что ещё миг назад выглядела пустой чашей, стал растягиваться розовым облаком прозрачный, словно резиновый шарик, волшебный купол. Он весь радужно переливался, будто улыбался. И уже через мгновение краси-

вая и ровная, как куриное яйцо, планета замкнулась на себе.

– Столько хлопот теперь... – засучила рукава богиня и тепло обняла Гобина, её радужные розовые прикосновения щекотали его счастливую макушку.

Ему больше ничего не снилось. Вообще ни одного сна! Ни единого! В первый раз за долгую жизнь – ни-че-го! И главное, что не хотелось больше ничего выдумывать. Ведь, если честно, он и так перестарался с некоторыми реальностями. Ладонка была права.

– Любимый, знаешь, эту сказку про яйцо и курицу? Кто первее?

Он молчал, блаженно прикрыв каменные веки, и только наслаждался её голосом, объятиями и отсутствием снов.

– Так вот – яйцо! – Она щёлкнула его по каменному носу, чтобы он проснулся.

Конец